

Сегодня мы можем удивляться тому упорству, с которым апостол Павел подчеркивает независимость своей проповеди от человеческого влияния. Он настаивает на сверхъестественном происхождении его Евангелия, на том, что никто из людей его этому Евангелию не обучал, но принял он его от Самого Бога через откровение Иисуса Христа. Будучи убежденным и ревностным иудеем, будущий апостол относился к Церкви со смертельной ненавистью. Воистину, с ним должно было произойти нечто чудесное, чтобы он в одно мгновение из гонителя Церкви Савла превратился в апостола язычников Павла. Это чудо произошло, когда Савла постиг свет той молнии, которая испепелила все его фарисейство, всю его гордость ревнителя отеческих преданий. Таким чудом было откровение Савлу Воскресшего Христа на дороге в Дамаск. Ослепительное сияние этого откровения апостол позже сравнивал со светом в начале Творения (2 Кор 4,6), а себя, преображенного этим светом, осознал «новой тварью» (Гал 6,15).

После разительной перемены, которая с ним произошла, он, при всем своем потрясении, не стал сомневаться, колебаться, не бросился за советом к «плоти и крови», то есть к людям, даже если таковые обладали авторитетом апостолов Христовых. А если он и ходил в Иерусалим, то было это не сразу, но спустя три года после откровения. Да и ходил он туда «не для того, чтобы чему-нибудь научиться и не для исправления какой-нибудь своей погрешности, но исключительно ради того, чтобы познакомиться с Петром и почтить его своим присутствием» (св. Иоанн Златоуст).

Мы еще можем понять те практические соображения, которые побуждали Апостола Павла настаивать на сверхъестественной причине радикальной перемены в его мыслях, образе жизни, а также на Божественном происхождении его апостольства: слишком уж подозрительным могло казаться его современникам превращение рыскающего разрушителя Церкви в самоотверженного ее строителя и защитника. Но нам труднее понять, почему апостол так упорно настаивает на сверхъестественном, Божественном происхождении Евангелия Христова, которое он проповедует. Ведь сегодня, когда люди – даже далекие от Церкви – слышат такие слова как «Евангелие Христово», «проповедь апостола Павла», они неизбежно представляют себе что-то «божественное», возвышенное, высоконравственное, святое, праведное и благочестивое. Но это

– результат двухтысячелетнего влияния христианства на культуру, даже если она имеет к христианству косвенное отношение, или вообще никакого отношения не имеет – просто такова привычка, общее место. И мало кому в голову приходит, что Евангелие, которое возвещал апостол, в его окружении и в его время могло восприниматься совсем иначе. И не только могло, но часто и воспринималось как соблазн, обман или безумие (1 Кор 1,23).

Почему так? Дело в самой сути того, о чем возвещает Евангелие. Мы по привычке не даем себе труда задуматься над тем, насколько противоречит Евангелие тому, что есть в мире, тому, что мы знаем о нашем мире. А в мире действуют законы, известные нам со школьной скамьи. Это законы физики, по которым действие равно противодействию. Это законы биологии, по которым выживает сильнейший или самый приспособленный. Это законы этики и здравого смысла: «без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «что посеешь, то и пожнешь»...

Подобные законы действовали и в религиозной жизни людей, которые тысячами были убеждены в том, что для получения земных и посмертных благ человек должен совершать определенные действия, угодные богам, которые в язычестве олицетворяли природу с ее законами. Но даже при более развитых библейских представлениях о Едином Боге и Творце религиозная жизнь ветхозаветного иудейства руководствовалась аналогичными представлениями. Отечественные предания, о которых пишет апостол Павел, составляли многочисленные толкования Закона Моисея и точно указывали, какие действия необходимо исполнять для получения заслуженной награды от Бога.

И вот появляется некто, провозглашающий конец Закона! «Конец Закона – Христос» (Рим 10,4), – возвещает Апостол Павел, для которого еще вчера такая мысль была невообразимой. Это, по сути, и есть Евангелие свободы, объявляющее о том, что отныне люди – не наемные работники у Бога, который расплачивается с ними за проделанную тяжелую работу, но свободные сыны Божии и наследники неистощимых Божественных благ.

Нам трудно себе вообразить, какую смелостью должен был обладать человек, дерзнувший утверждать новые основы духовной жизни, шедшие вразрез со всей исторической практикой человечества. Естественно, проповедь апостола Павла вызвала недоумение и сопротивление. И мы знаем, чем закончилось это сопротивление мира для самого апостола – его мученической кончиной.

Евангелие, освобождающее от Закона? Спасение не преуспеванием в делах Закона, не ревностью об отеческих преданиях, не заслугами, но благодатью Божией и верой в Иисуса Христа? Апостола Павла упрекали в том, что он этим учением о спасении подрывает основы религии и нравственности, и делает он это из желания угодить людям, понравиться им, подольститься к ним. Нет, – отвечает на упреки апостол, – желание нравиться миру и возвещать Евангелие Христово – вещи несовместимые. Евангелие – не слово лести (1 Фесс 2,4), и одобрение мира может стать тревожным сигналом для христианской проповеди и для Церкви. Невозможно одновременно поддакивать людям и быть служителем Христовым. Нет, Евангелие не имеет ничего общего с подобными человеческими расчетами на легкий успех и популярность. Оно чуждо человеческих мерок, но есть нечто абсолютно новое, прорывающее человеческие и все земные масштабы. Иначе оно не было бы истинным Евангелием, то есть Благой Божественной Вестью, ибо всякое истинное благо имеет начало в Боге. Весть о высшем благе спасения не только для Израиля, но и для язычников открылась Павлу при встрече с Воскресшим, явление Которого озарило всю его личность светом знания о том, что с Крестом и Воскресением Сына Божия в мир вошло то, что превыше всех законов физики, биологии и так называемой «естественной нравственности». В мире открылась любовь Творца к Его созданию. Откровение Христа было для апостола Павла одновременно и откровением Евангелия, которое возвещало не мнимое спасение Законом дел, но истинное спасение Законом Божественной любви. В Евангелии Христовом ему открылась последняя истина, состоявшая в том, что Крест и Воскресение – начало конца ветхого и привычного мира с его ветхими законами и ветхой историей. Законы поработают. – Любовь освобождает!

Но ветхий мир греха иначе как по своим «законам греха» (Рим 7,23.25) существовать не может. Он не может оставаться равнодушным и безучастным к вести о своем конце. И, разумеется, он сопротивлялся и будет всегда сопротивляться Евангелию. Это сопротивление может принимать форму прямой враждебности и насилия, может принимать форму лицемерного согласия или попыток превратить Евангелие любви в некий новый, – а по сути ветхий, – закон долга. Однако попытки эти тщетны, ибо Евангелие Христово – не вымысел человеческий, но Благая Весть о Божественной «победе, победившей мир» (1 Ин 5,4).

Архимандрит Иоаннурий (Ивлиев)

14-го июля я приехал в с. Беседное. 15-го здесь праздник в честь святых мучеников Кирика и Улитты.

Перед обедней я показывал народу старопечатные книги, из которых они могли видеть, что староверы много говорят неправды на нашу церковь по неведению старопечатных книг.

Обедню служил я с приходским священником и диаконом из села Ломтева, который приглашен был для более торжественной праздничной службы. В обычное время я говорил проповедь о том, в чем состоит наша православная вера. Я думаю, что проповедь об этом надо чаще говорить, потому что народ почти не знает своей веры. Иные идут в староверье потому, что там им хоть что-нибудь да уяснится.

Народу за обедней было довольно, во-первых потому, что в день Кирика и Улитты в Беседном бывает крестный ход на воду, а во-вторых потому, что старшина в Вахрушево, деревню очень большую, посылал приказ явиться всем домохозяйкам к обедне, под страхом штрафа по закону. После обедни мы ходили с крестным ходом на колодезь. Возвращаемся оттуда, — а нам на встречу идет в село седовласый старец, без шапки, босиком, в одной рубахе и несет четвертную бутылку с вином. Это на встречу священникам с крестом и святой водой! «Вахрушанин, — объяснили мне после, — и раскольник!»

На другой день, 16-го июля, я поехал в д. Вахрушево со старшиной часов около 10-ти утра. Приехали прямо к крыльцу хорошей избы, где живет кума старшины Ефросиния. На крыльце сидят две девочки. Мать дома? — спросил старшина. «Нет». — А где же она? — «В гостях».

— Ну, беги за ней!

Пришла хозяйка, очень ласковая и расторопная женщина. Через 10 минут уже готов был самовар, и мы сели за стол. Хозяйка богатая женщина — вдова. По завещанию покойного мужа, она раздала странникам 20 пятидесятирублевых серий на помин души его. И сама держится страннических бредней о царстве антихриста.

За чаем разговорились о вере. Кое-кто пришел послушать, в том числе бывший в апреле месяце на беседе в Губине и в своем Вахрушеве Семен Андреев. Повестки на всю деревню не давали, потому что народ гулял. Мы хотели сделать беседу с некоторыми избранными, и потому просили хозяйку сходить за дедушкой Евсеем, главным вахрушевским наставником. Она пошла, но воротилась одна: не пошел дедушка Евсей, — отговорился тем, что «мы-де люди малограмотные, где же нам сговорить с ученым миссионером!» Послали хозяйку вторично, — велели уговорить дедушку Евсея, чтобы ничего не боялся, смело шел бы, потому что мы беседуем от старых книг, ему знакомых. Пошла; но опять не привела дедушки Евсея. Тогда, уже в третий раз, послан от всех нас отправился сам старшина. Он убедил старика придти. Маленький, худенький старичок, однако еще бодрый. Помолясь, он обратился к нашей чайной компании с низким поклоном и словами: «Простите, Христа ради!» Говорили мне,

НЕТ НА СВЕТЕ «ПРИЧАСТИЯ»...

что это обычное приветствие у странников, по которому можно их отличить от других сектантов.

— Садись, дедушка. Не бойся; мы беседуем по старым книгам.

Старик сел. Так как он не подросел к началу беседы, то пришлось объяснять ему, о чем идет у нас речь.

— Вот, дедушка, — говорю ему, — мы толкуем с Семеном Андреем о том, как распознать истинного проповедника, истинного миссионера, от неистинного.

— Как же?

— До тебя я говорил Семену: если бы я пришел к вам в Вахрушево вот с этим старопечатным Евангелием и, разогнувши книгу, заставил бы тебя читать вот эти слова.

— Ну, прочитай, — говорю Семену Андрееву, — еще раз что я заставлял тебя читать.

Семен Андреев читает: Рече їс: аминь, аминь глаголю вам: аще не снесте плоти Сына Человеческого, ни пиете, крови Его, живота не имате в себе (Ин. 6:53).

— Так вот, если бы я пришел к вам и заставил бы прочесть из старинного Евангелия эти самые слова, а потом стал бы говорить: закрой, закрой эту книгу! Хоть тут и написано, что надо причащаться, но можно обойти и без причащения! Хотя Господь И. Христос и два раза сказал: «аминь», дважды своим Божеским словом заверил, что для спасения необходимо принятие Его пречистых и животворящих тайн, но я тебе говорю, что все-таки можно и без них, без причастия святых тайн, прожить и быть спасену... Что же, Семен Андрееч, ты ответил бы мне на такие мои речи? признал ли бы меня истинным проповедником?

Семен Андреев молчит, — очевидно, не понял меня. Но старик Евсей понял, в чем дело, — понял, что я говорю именно так, как беспоповцы учат о причащении. Он вдруг прервал молчание и сказал:

— Батюшка! Ведь мы так не проповедуем, как ты об нас говоришь! Мы учим, что причащение нужно, вот как нужно (он показал рукой на горло)! — да негде нам его ныне взять... Мы рады бы душою причаститься, да негде, нет на свете «причастия»...

— Как нет? Ведь Христос же обещал, что «слово Его не преидет»; а вдруг ока-

зывается, что причастия нет... Как же могло случиться, что слово Христа Спасителя не сбылось? Он дал нам заповедь — сие (т. е. таинство причащения) творить в Его воспоминание; сказал, что Он будет с нами во вся дни до скончания века. Если царь даст слово, то каждый знает, что оно будет исполнено. Царь ли небесный не исполнит своего обещания? Разве может это быть? Подумай, старик! Верен Господь, и не может отречься от своих слов! Мы так и веруем, что всякое слово Христа Спасителя истинно, сбылось и сбывается; а вы говорите: негде теперь стало причаститься!...

— Ах ты, Господи! — воскликнул Евсей. Кто же подумает, что Христос обманул, — обещал, и не исполнил своего обещания? Все, что писано во св. Евангелии, Он исполнил. Он-то верен своему обещанию; да мы неверны Ему, и Он за грехи, видно, наши отнял у нас и церковь и святые тайны...

— Так не говорите же вы, что Господь не сохранил своей церкви, а молитесь, чтобы отпустил вам грехи, за которые вы лишились церкви. И не смейте уверять, что стоите в православной вере, а так и исповедуйте перед каждым, что за грехи ваши отнял у вас Господь то, что обещал дать и дал своей истинной церкви...

Старик слушал и народ молча слушал.

— Ты знаешь, дедушка Евсей, — продолжал я, — как к нашему князю Владимиру от разных вер приходили проповедники и каждый звал его со всем народом в свою веру?

— Знаю.

— Пришли евреи, и стали хвалить свою веру. Они рассказали, как Бог на Синае сам дал заповеди народу своему, какие законы установил Моисей, пророк Божий, какой великолепный храм Иегове построил Соломон, сын Давида, и как в этом храме с утра до ночи приносились жертвы Богу. «А покажете вы мне свою веру, — храм ваш, священников ваших и жертвы ваши?» — спросил их князь Владимир. Воздохнули послы еврейские, — нечего им было показать: нигде на всем свете не было ни храма еврейского, ни священника, ни жертвы. «За грехи наши отнял у нас Господь все, что дал нам», — сказали они князю. И прогнал их князь Владимир. Так и следовало: они хотели наградить нас теми дарами, какие у них у самих были отняты за их грехи.

— Да, это так! — подтвердил старик.

— Слушай же ты, дедушка, дальше. Читал я раз в книге, как один миссионер (проповедник) пришел к дикарям, которые ели даже людей... Он их просветил Христовой верой, и они изменились, оставили свои дикие обычаи... Подумай, — что если бы тебе привел Бог быть на месте того проповедника? Стал бы ты проповедывать этим несчастным дикарям Евангелие, начал бы им благовествовать о Сыне Божием, о нашем Спасителе, рассказал бы им всю Его жизнь, рассказал бы, чему Он учил нас, рассказал бы, как Он изво-

лил за всех нас на кресте претерпеть мучения и самую смерть, и о воскресении и о вознесении Его рассказал бы, и о тайной вечери и о сошествии Св. Духа... И потом кончил бы свою проповедь примерно так: «Веруйте же в Него, Сына Божия; креститесь во имя Его и примите дар Святого Духа, который Он каждому дает в таинстве св. миропомазания, как свою Божескую печать на обновленного крещением человека, и живите по нашей вере, — не убивайте, не злобствуйте, любите всех, как Он нас всех возлюбил, положив за нас душу свою, предав себя на крестную смерть за нас. Помните, что не будь этой крестной смерти Христа Спасителя, погиб бы во грехах весь человеческий род. Знайте, что кровь И. Христа Сына Божия очищает нас от всякого греха. Для нашего спасения Он установил во своей церкви великое таинство причащения: примите, говорит, ядите: сие есть тело мое, еже за вы ломимое.; пейте от нея вси, сия есть кровь моя новаго завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов. И такое дал Он наставление нам: сие творите в мое воспоминание, то есть не забываете меня, помните, что я за вас пролил кровь свою на кресте, и пейте от нея вси... все, как есть, потому что за всех вас Я пролил ее на кресте». И расплакались бы эти дикари, — не от твоих слов, а от сознания своих грехов и от умиления, от радости, что есть у них Спаситель... И стали бы просить тебя: «Дедушка Евсей! Дай нам, о чем ты говорил: запечатай нас печатью Святого Духа, напой нас животворящею кровью Христовою, напитай небесным хлебом Его тела». И сказал бы ты им: «Горе, горе нам с вами! Хоть и действительно все, о чем я говорил вам, дал Христос своей церкви, но за грехи наши отнял у нас все это и ничего теперь нет у нас... Вот, если бы нам с вами догадаться пораньше лет на 200 родиться, при святейшем патриархе Иосифе, еще до Никона, тогда бы другое дело, — тогда совершались у нас все таинства; теперь же, в такое горько плачевное время, нам остается только плакать и тужить о своей гибели: нет теперь той чаши, из которой Христос велел пить всем, — и мне, и вам... Нет и прочих таинств. За грехи наши отнял у нас Господь и храм, и священство Христово, и жертву Христову».

— Уверю тебя, дедушка Евсей, озабоченные бы дикари на тебя за то, что ты наобещал бы им много, а ничего бы не дал, и если не убили бы, то прогнали бы тебя, как князь Владимир прогнал еврейских проповедников. И что это за проповедь твоя была бы? Идите в церковь, которой нет на свете! причащайтесь тела и крови Христа Спасителя, которых теперь нет уже! веруйте в Евангелие, которое исполнялось до лет Никона патриарха, а теперь уже исполниться не может, — оно не на нынешние времена дано! Разве такая проповедь у настоящих Христовых проповедников? Эх вы, христиане!... Где ваша вера, которой вы хвалитесь?.

Дедушка Евсей даже вскочил с места. — Если бы у вас не было ереси, я давно пошел бы к вам! — воскликнул он. Ведь ересь, — это страшная вещь! Как прича-

щаться в той церкви, где, знаешь хорошо, есть ересь? Вот святая Голендуха пришла раз в монастырь, где монахи были еретики, — а она не знала, что они еретики. Так ей Ангел явился во сне и показал два сосуда: темный и светлый. Это значило: ты беги от еретической церкви, от темного сосуда, в православную, к светлому сосуду, и в православной причастись, а не в еретической. Вот ведь как...

Я повторил для слушателей рассказ дедушки Евсея, и потом стал говорить:

— Слушайте. Ангел сказал Голендухе, что тот монастырь, где она хотела причаститься, еретический. Вам же, староверам, кто возвестил, что наша церковь еретическая? Не скажете же вы, что тоже Ангел возвестил?...

— Ах ты!... Сами видим.

— Сами!... Сами можете ошибиться. Разве вселенская церковь произнесла суд, что русская церковь впала в ересь? Когда это было? Собора, обличившего нас в ереси, не было; Ангел вам, как Голендухе, не возвещал, что наш сосуд темный: чего же вы боитесь?... А потом смотрите. Ангел не показал Голендухе один темный сосуд, чтобы она бегала ереси; он показал ей два сосуда: темный и светлый, — чтобы бежать от ереси к православию, от тьмы к свету. Ты рассказал о святой Голендухе, чтобы объяснить, почему вы не причащаетесь от нашего сосуда; если, по-твоему, у нас, в наших церквях, в Беседном, например, темный сосуд, так иди ты от него к светлому. У вас, в Вахрушеве, нет никакого сосуда, ни темного (это бы не беда), ни светлого (это горе)... Ты побегал от темного, как думаешь, сосуда, но не к светлому, как научил Ангел Голендуху, а к никакому, чему никто никогда и никого не научал...

— Ах ты, Господи! — воскликнул опять старик, — ведь ересь все равно, что яд...

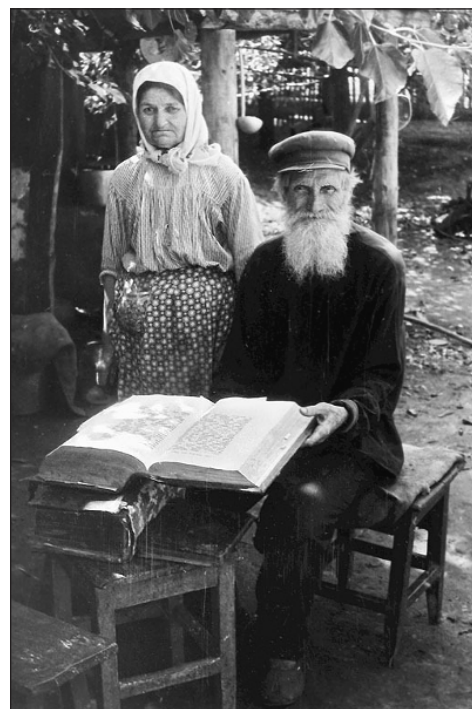
Я ответил:

— Действительно, ересь похожа на яд. Но... кто же тебя научил из-за подозреваемой ереси обходиться без таинства тела и крови Христовых? Ведь вот лежит хлеб. (К чаю был подан белый хлеб ломтями; я взял один ломоть и, подавая Евсею, сказал:) Если бы я этот кусок посыпал мышьяком и стал тебе его давать: кушай, дедушка Евсей! Ведь ты бы не принял этого куска?

— Не принял бы. Как же принять? Отравиться! Кусок посыпан ядом.

— И я бы такого хлеба не стал есть, да и никто не стал бы его есть. Ну, а если бы ты, ни с того, ни с сего, стал уверять, что опасно есть этот хлеб, потому что, может быть, он отравлен ядом? Ведь ты бы, дед, так-то, со страха перед отравой, умер бы с голода. Нельзя жить без хлеба! Ты скажешь, что у тебя есть основания бояться нашего сосуда (об этих основаниях поговорим после). Положим так. Но ужели ты думаешь спастись совсем без причастия? Ведь это то же самое, как если бы кто думал, что можно прожить без пищи и питья. Надо бояться отравы, надо бояться ереси; но нельзя прожить без настоящей, здоровой пищи, нельзя спастись без причащения (в православной церкви) из светлого сосуда... Нельзя!

— Мы вот как желаем! — заговорил

опять дедушка Евсей, — да где же его взять, — причастия-то?

— Это указываешь ты на ваше «огнепальное желание»?... Какое ни будь у вас «огнепальное желание», все же самого причастия, какого вы желаете, у вас нет и не может быть по вашей беспоповщинской вере. Желаете, и не приемлете, потому что желаете, по вашим словам, того, чего нет на всем свете. Ну, разве прожить без хлеба? Какое-нибудь огнепальное желание хлеба, а когда хлеба нет, все же непременно умрешь с голода, — и чем сильнее желание, тем скорее наступит смерть и тем она мучительнее. А вы умудряетесь как-то питать свои души не хлебом небесным, не чаею жизни, а только одним голодом, этим самым вашим «огнепальным желанием»... Это невозможно, дедушка Евсей! Андрей Денисов напутал в своих Ответах, а вы и верите ему, что будто бы все равно, что настоящее, действительное причастие святых Христовых животворящих тайн, что одно желание этого причастия, которому никогда не суждено сбыться. Огнепальное желание!... Какое жалкое словечко, и какое скрывается в нем неверие словам Христовым: аминь, аминь глаголю вам: аще не снесте плоти Сына человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате в себе... Надо, дедушка, веровать Евангелию.

— Мы веруем Евангелию; веруем, что и церковь Христова есть, да боимся, нет ли у вас ересей. Если б у вас не было ересей, я бы ушел к вам сейчас!

— Какие же у нас ереси? — укажи мне дедушка Евсей...

И началась беседа о наших разносях со староверами, из-за которых они считают нас еретиками: об имени Иисус, о слове «истинного» в 8-м члене Символа веры, о троеперстии и о прочем. Старик Евсей обрадовался, что речь зашла о знакомых ему предметах, — сразу почувствовал себя спокойнее; точно слепой, — попал на знакомую тропинку, и побрел по ней.

(Продолжение следует)

Из книги: «Записки миссионера Вологодской епархии» (1891). И.В. Полянский.

Расписание богослужений с 4 по 10 ноября 2019 г.		
4 ноября Понедельник	ПРАЗДНОВАНИЕ КАЗАНСКОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/иерей Александр/</i>
5 ноября Вторник	Апостола Иакова, брата Господня по плоти	
6 ноября Среда	ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ»	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
7 ноября Четверг	Мчч. Маркиана и Мартирия	
8 ноября Пятница	ВМЧ. ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
9 ноября Суббота	Мч. Нестора Солунского	8:30 Утреня. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
10 ноября Воскресенье	НЕДЕЛЯ 21-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ Прп. Йова, игумена Почаевского	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i>

ЛЕСТНИЦА ДУХОВНАЯ

Все христиане должны восходить по одной лестнице духовной в дом Отца Небесного. Все мы отличаемся друг от друга внешним видом, званиями, положением, одеждой, но правосудие Божие требует, чтобы все входящие в Царство Небесное, в обитель праведников и святых, походили друг на друга внутренними качествами, добродетелями, чистотой душ и праведностью. Следовательно, у всех христиан цель жизни одна: достигнуть спасения и для этого совершенствоваться духовно.

От монаха требуется отречение от мира, послушание или жизнь не по своей воле и безмолвие, или стремление быть в сердце своем наедине с Богом. Но разве не требуется то же самое и от светского человека?

Для чего инок удаляется в монастырь или пустыню? Для того чтобы избежать соблазнов, чтобы было легче следить за собой, для борьбы со страстями, чтобы пребывать в молитве и учиться простой, суровой жизни.

Но разве светские люди не обязаны так устроить свою жизнь, чтобы им можно было избежать соблазнов, опасных сообществ, безнравственных зрелищ, пустых разговоров, чтобы они могли посещать храмы, исполнять молитвенные правила, бороться со своими страстями? И светский христианин должен ради спасения отречься от пагубного, развращенного мира, погибающего в гордости, самолюбии, сребролюбии и забвении заповедей Божиих. А кто оставляет греховную жизнь и борется со своими страстями, тот делает то же, что монах, расстающийся с миром и поступающий в обитель.

Почему монахи-подвижники стремятся приобрести совершенное послушание и для этого отдаются в волю настоятелей, старцев и руководителей? Потому что иначе нельзя выучиться исполнять заповеди Божии. Но разве послушание и исполнение заповедей Божиих не одинаково обязательно мирянам? Чтобы выучиться этому, светские люди должны себя отдать в волю своих духовных отцов.

Наконец, должны ли миряне безмолвствовать? Конечно, нет, ответят многие. Но

я не говорю о наружном безмолвии, ибо и монахи трудятся в монастыре, исполняют разные обязанности, служат и помогают светским людям, а следовательно, не безмолвствуют. Существует другое безмолвие, которое необходимо как монаху, так и светскому человеку: это безмолвие внутреннее, т.е. стремление быть в своем сердце наедине с Богом. При этом человек углубляется в самого себя, разбирается в своих мыслях и действиях, пребывает в непрестанной молитве и памятовании о Боге.

По апостольскому слову, мы все должны непрестанно лицезреть сердечными очами Христа Спасителя, т.е. везде: в доме, на улице, в постели, во время работы и отдыха, и учиться у Него смирению, любви, терпению и покорности. Кто так живет, тот безмолвник и пустынный, хотя и пребывает в миру (по еп. Феофану).

ЛЮБОВЬ К БОГУ

Чтобы не погибнуть, нам нужно прилепиться всем сердцем и всеми помышлениями ко Господу нашему Иисусу Христу, ибо никто не может делать ничего достойного спасения, если не пребывает в Нем (см.: Ин. 15:4–6).

Христос шел за нас на вольную страсть, на крестную смерть! И небо и земля трепетали при виде уничиженного Единородного Сына Божия, смирившегося и послушного до предания Себя на распятие...

Как же нам, спасенным и возрожденным Христом и освященным Духом Святым, оставаться безмолвными и не наполнять храмы Божии для прославления Его беспредельной любви к человечеству.

В том любовь, — говорит св. апостол, — что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умиротворение за грехи наши (1Ин. 4, 10). Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас (1Ин. 4, 19). Аминь.

Тяготение к Богу зарождается, образуется и развивается по мере того, как человек начинает все усерднее, искреннее и горячее молиться Богу. Является непреодолимое желание ходить пред Богом в сознании, что Он все видит, ходить в отречении своей воли, и искании всегда, вез-

де, постоянно одной благой, спасительной воли Божией.

На молитве развивается и усиливается чувство самоукорения, самоотвращения и любви к Богу.

Любовь разгорается от сознания, что Господь не отвращается от нечистоты и греховности человеческой, не отстраняется от виновности, преступности и окаянства нашего: никогда, никого не отталкивает от Себя, а, наоборот, всегда и всех допускает, приближает, выслушивает, даже ласкает, милует и, наконец, прощает!

ЛЮБОВЬ К МИРУ

Сердце не может быть пустым. Все люди это сами ощущают, потому что стремятся наполнить свои сердца различными чувствами, и в особенности любовью к своим ближним и друзьям. По вопиющей несправедливости всего режесердца человеческого наполняются любовью к Богу!

Но Божественный закон совершен и требует, чтобы люди, рожденные духовно Духом Божиим, имеющие своим отцом Отца Небесного, возвращающиеся по смерти душою к своему Создателю, любили Его прежде и больше всех.

Сначала препятствовало этому грехопадение человеческое. Тогда Отец

Небесный предал за человечество Своего Единородного Сына, Который пострадал до крестной смерти и основал для спасения, освящения и укрепления человечества Церковь Свою и Таинства. Совершилось все это только по беспредельному желанию Божию жить в сердцах человеческих.

Но люди, одаренные свободною волею, противятся такому возрождению, счастью, благополучию, и греховными навыками, преступными страстями, любовью к миру и его забавам по своему безволию сквернят и душу, и тело, и изгоняют Христа из сердца.

Только когда человек борется со страстями, освящается молитвою, Таинствами Покаяния и Святого Причащения — приближается благодать к его сердцу и снова входит в него.

Священномученик Серафим (Чичагов)